

О. В. НОВИКОВА

Республика Беларусь, г. Минск

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ИСТОРИИ И КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ ПРОГРЕССИЗМА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ XX в.

Начиная с эпохи Просвещения идея социально-исторического прогресса активно использовалась социогуманитарными науками в качестве всеобщего закона, детерминирующего динамику истории. Философы-просветители рассматривали прогресс человечества прежде всего как прогресс человеческого разума. Эта вера в прогресс как таковой, в бесконечность развития оформилась в философии прогрессизма. Прогрессиистские модели развития, линейные (Кондорсе, Конт), или спиралевидные (Гегель), подчеркивали разумность, осмысленность и целенаправленность всемирно-исторического процесса.

Однако убеждения прогрессизма были сильно подорваны опытом XX в. Он был ознаменован таким количеством невиданных прежде катастроф (военных, политических, экологических и моральных), что пришло повсеместное разочарование в классической для западноевропейской цивилизации идее прогресса. Научно-техническая революция обернулась глубоким экологическим кризисом, политические революции и мировые войны вкупе с широкой пропагандой ценностей «общества благосостояния» привели к антропологическому кризису. В такой атмосфере не вызывает удивления тот факт, что лейтмотивом социогуманитарных наук второй половины XX в. стала не идея прогресса, а идея кризиса.

Пессимистические взгляды начали преобладать и в философии истории. Если прежде кризис в историческом развитии воспринимался как явление временное, то сегодня его склонны рассматривать как хронический, всеобщий кризис с весьма туманными перспективами ослабления в будущем. По словам современного американского ученого Р. Хольтона, мы становимся свидетелями парадоксальной ситуации «нормализации кризиса»: «Исторический опыт все меньше становится частью героического эпоса и все больше – частью мыльной оперы» [4, 369]. «Бесконечная неопределенность» идеи прогресса во второй половине XX в. вызывает уже не эйфорию, а раздражение. «На Земле не может быть идеального состояния. Не существует правильного мирового устройства. Нет совершенного человека», – эти слова К. Ясперса, идущие вразрез с традиционным для западной цивилизации лейбницианским убеждением, что «все к лучшему в этом лучшем из миров», отчетливо выражают разочарование XX в. в идеологии прогрессизма [5, 242].

В 1968 г. в благополучной Германии неожиданно вспыхнуло возмущение студентов, которое до такой степени поколебало устои университета, что его руководство не смогло.

самостоятельно навести порядок, и учреждение было передано в руки государственной бюрократии с отменой вольного самоуправления. Это произошло в то время, когда экономика еще не знала спада, не было угрозы нефтяного кризиса, а опасность загрязнения окружающей среды едва начинала осознаваться обществом. Ни социологи, ни политологи не смогли обнаружить никаких более или менее удовлетворительных внешних причин этого протеста.

Впоследствии немецкий философ М. Мюллер выдвинул версию, что в основе происшедшего «лежит то, что можно назвать "утратой смысла"» [3, 274] – смысла

человеческого существования и перспектив современной истории. Оказалось, что в условиях бесперебойного функционирования производства и потребления вдруг возник вопрос: «Какой все это имеет смысл?» К чувству уверенности, порожденному общим убеждением в том, что действительное разумно, а существующая социально-экономическая система, несмотря ни на что, остается стабильной и продолжает производить блага, добавилось чувство тревоги: эта Система теперь функционирует *самостоятельно*, обеспечивая индивида-потребителя всем, что ему требуется, и тем самым лишая его необходимости и желания *менять* и *творить* историю. Возник парадокс, когда для творчества человека оказывается все меньше места в историческом пространстве, зато для результатов его деятельности, для вещей пространство это осталось открытым. Из поля зрения научного исторического познания стали ускользать проблемы, характеризующие историю именно как социальный и человеческий процесс, сводя описание жизни людей к описанию «логики вещей».

Такое состояние человеческого общества М. Мюллер определил как состояние «постистории»: вместо традиционного поиска обоюдного тождества личности и мира теперь мотивом всех действий становится полное удовлетворение всех потребностей, присущее обществу, названному «одномерным». Социально-экономическая система обеспечивает защиту и безопасность подобной жизни. От человека требуется не творить, а социализироваться, функционировать в рамках общественного процесса. На место традиционного исторического «счастья» (оно могло бы претендовать на статус «смысла» истории) приходит индивидуальное «удовольствие» (сомнительный «смысл» для жизни отдельного индивида).

Цивилизации застывают в своем развитии. Статика начинает цениться больше, чем динамика, стабильность – больше, чем изменчивость. Общественное *воспроизводство* обретает главенство над общественным *производством*. По образному выражению российского ученого Б. В. Маркова, «мы живем в эпоху конца антропологии, которая тайным образом конфискована машинами и новейшими технологиями» [1, 40], включая социальные технологии, которые не отчуждают человека, но «программируют» его, интегрируют в свои сети. В современной цивилизации с ее мощными средствами массовой информации, политического, идеологического и психического воздействия на индивида процесс «программирования» приобрел угрожающие размеры. «Запрограммированный» человек утрачивает сущностные характеристики своей природы – способность свободно мыслить, свободно действовать и, в конце концов, творить самого себя, свою жизнь и историю.

Вместе с тем само *осознание* современной общественностью этого факта свидетельствует о существовании шанса альтернативы «постисторическому» («постчеловеческому») обществу. На рубеже XX–XXI вв. история уже не мыслится как внеположенный, предзаданный человеку процесс. Актуальность приобретают слова авторов знаменитой концепции «пределов роста»: «Мы не можем больше уповать ни на провидение, ни на прогресс;

отныне ответственность за наше будущее – в наших собственных руках, хотим мы этого или нет» [2, 580].

1. Бодрийар Ж. Америка. СПб., 2000.
2. Мидоуз Д., Рандерс Й. За пределами допустимого: глобальная катастрофа или стабильное будущее? // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
3. Мюллер М. Смысловые толкования истории // Философия истории. Антология. М., 1995.
4. Философия истории / Под ред. проф. А. С. Панарина. М., 1999.

5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.